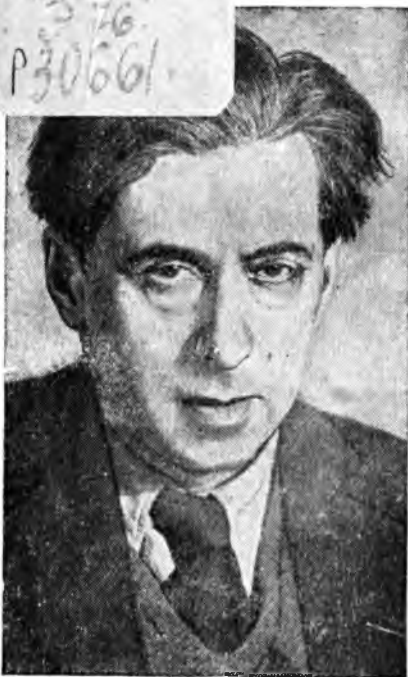

ИЛЛЯ ЭРЕНБУРГ

ОЖЕСТОЧЕНИЕ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 57

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА—1942

ИЛЛЯ ЭРЕНБУРГ

ОЖЕСТОЧЕНИЕ

Издательство «Правды»
Москва 1942

СОДЕРЖАНИЕ

Ююнь	3 стр.
Испытание огнем	11 >
На рубеже	23 >
Время	26 >
Три года	33 >
Дело наших рук	39 >
Русский Антей	46 >
Твое гнездо	52 >
Ожесточение	57 >

Зам. отв. редактора Н. ЕРУХИМОВИЧ

Издательство „Правда“ Изд. № 901

А61731 Расказ типографии 2765. Тираж 50.000 экз.

Формат бумаги 105×148 мм Печ. л. 2 Экз. в 1 п. л., 43.000.

Цена 0 руб. Получено к печати 30/VI 1942 г.

Набрано и смат, и провано в тиз. газ. „Правда“ имени Сталина.

Москва, ул. „Правды“, 24. Отпечатано о готовых матриц в тиз.

„Красное знамя“, Москва, Суцзевская, 21. Заказ 1

ИЮНЬ

Короткая июньская ночь казалась Москве обычной. Люди, засыпая, мечтали о летних каникулах, о горах Кавказа, о синем море Балаклавы. Это была ночь на воскресенье, и в клубах молодежь танцевала. На подмосковных дачах влюбленные говорили о том, о чем говорят влюбленные всех стран и всех времен. Москва поздно проснулась. Люди завтракали, когда в густой медовый полдень лета вмешался взволнованный голос диктора. Мы узнали, какой ночью была та ночь. Война... Это слово прозвучало непривычно, как первый крик сирены. Прошел год. Это слово стало жизнью.

Люди с большим сердцем отдают самое дорогое, не задумываясь. Большие народы не меряют своих жертв. Россия все дала, чтобы только отстоять свою свободу. Кто расскажет, как тяжело было взорвать Днепротэс—гордость советского народа? О Днепротэсе писали газеты всего мира, но мы знаем тысячи и тысячи других жертв. В украинском селе колхозница Мария Глущенко сожгла свою хату, чтобы хата не досталась немцам. Это был простой дом, но для семьи, которая в нем

жила, это был свой дом, это был мир. Рука Марии Глушенко не дрогнула...

Человек, сызмальства привыкший к избытку, не знает цены вещам. В старой дореволюционной России богатство было достоянием немногих. Можно ли понять, что такое домны Магнитки, не вспомнив о курной избе? Лапти были не только обувью, лапти были символом. Миллионы и миллионы вместо подписи покорно ставили крестик.

Посаженные деревья только-только начали приносить плоды. Мы жертвовали не наследство, не шальную приблудную деньгу, но добро, оплаченное потом героического поколения. Крым дышал запахом пороха и муската: сухая земля впитала вино. В Витебске горели склады с сукном. Люди жертвовали всем.

Россия кочевала. Кто видел караваны беженцев, их не забудет. Люди молча шли на восток. Украинские крестьяне гнали волов, шли старухи из Минска, из Гомеля, по непролазной грязи шагали горожанки в туфлях на высоких каблуках, женщины уносили грудных детей. Переезжали заводы. Снимались с места города — как корабли. Среди снега в степи устанавливали машины харьковских заводов. В далекой пустыне работал Камерный театр. Ученые дописывали книги в теплушках. Киевляне расплылись среди сел Средней Азии. Башкирия приютила школы Украины. Сколько за этими словами скрыто горя, разъединенных семей, суровой жизни на бивуаке, самоотверженного труда!

Немецкие бомбы искалечили Новгород. Немецкие снаряды калечат Ленинград. Гитлеровцы мечтали умертвить нерв нашего сопротивления — самосознание русского народа. Для этого они уничтожали наши реликвии от кабинета Толстого до музея в Бородине. Они хотели оскорбить Россию, превратив Одессу в захолустный город вшивой Румынии и посадив наместником «Остланда» балтийского проходимца Розенберга.

В Пушкине, в аллее, которую любил молодой лицейст, на деревьях висели русские люди, пожилой человек с бородой, девушка. Многие паломники знали эту аллею, в нашей памяти она связывалась с юностью Пушкина, с юностью России. Немцы ее превратили в аллею виселиц. А женщины в освобожденных деревнях рассказывали бойцам о том, как немцы убивали детей на глазах у матери...

Долго после конца мировой войны земля вокруг Вердена оставалась бесплодной: снаряды снесли верхний слой почвы, не росла и трава. Во многих советских семьях теперь зияние: нет мужа, сына или брата. Это горе — простое и непоправимое. О нем никто не расскажет: наши женщины стойко работают, и глаза у них сухие.

Передо мной письмо матери. Ее сын Игорь Азаров, боец разведывательного батальона, погиб смертью героя. Мать пишет товарищам своего сына:

«Дорогие ребята! Товарищи моего сына и теперь мои товарищи!

Я получила извещение вашего батальона о том, что мой сын, мой родной единственный мальчик убит. Мне очень тяжело. Мне трудно пережить горе, которое свалилось на меня, больного человека, но я постараюсь держать себя так, чтобы своей работой принести пользу родине и отомстить проклятым, трижды проклятым гадам, напавшим на наш Союз, исковеркавшим столько человеческих жизней и убившим моего сына. Сына, которого вы знали, я одна, женщина, с трудностями растила и воспитывала и учила. Мой сын, как огонек будущего, светил мне в тяжелой моей жизни.

Я прошу вас написать мне, где похоронен мой сын, и отметить его могилу.

Вы теперь, ребята, все мои сыновья. Не забывайте меня. Если кому что нужно, я все для вас сделаю. Я вас люблю так, как любила сына.

Напишите мне, как погиб мой сын, я вас очень прошу об этом. Если у него были при себе письма, перешлите мне, если это возможно. Я знаю, что в комсомольском билете он носил фотографию одной девушки. Если она сохранилась, передайте её мне, и, если есть, напишите ее адрес.

Желаю вам, ребята, бить проклятых нечистей и много удачи в боевых делах.

М. Азарова».

В этих словах вся скорбь матери и все величие русского сердца. Как Азарова отдала родине сына, все

советские люди отдали родине самое дорогое: близких и себя, силы, чувства, кровь.

В день флага во многих странах Америки и на британских островах реяли пестрые флаги. Были украшены флагами города Советского Союза, от Мурманска до Владивостока. Но я думаю сейчас об одном флаге: о флаге свободы над истерзанным Севастополем, где люди в крошечном аду на крохотном плацдарме еще отбиваются от десяти немецких дивизий и от пятисот немецких самолетов. В истории войны Севастополь—эпизод, одна страница эпопеи. Но нет сейчас имени, которое больше бы говорило о советском мужестве, о самопожертвовании нашего народа, нежели это—Севастополь.

Я был на заседании Верховного Совета. Я видел Сталина. Была на его лице решимость, уверенность в победе и боль за свой родной народ. Отовсюду приехали депутаты. Среди них много людей, которых я знал прежде,—они переменялись. За сколько десятилетий будет зачтен один такой год?.. Сурово люди жали друг другу руки. Война закалила Россию, и никогда Россия не была такой крепкой, как теперь.

Воюет поколение, которое мечтало не о войне. Оно верило в братство народов. Оно с волнением читало романы Барбюса и Ремарка, оно болело за лишения немецкого народа. Нелегко было молодым понять, кто перед ними. Мать Азарова справедливо пишет: «Гады». Год тому назад в коротенькую ночь серо-зеленые сол-

даже, как гады, ползли среди некошенной травы. Наши молодые бойцы сначала верили, что перед ними обманутые люди, которых можно образумить словом. А гады ползли, вырывали у девушек груди, вешали. И теперь ненависть к врагу, как уголь, жжет сердце России. Недавно в трамвае ехал боец-снайпер. Товарищ сказал про него: «Он застрелил семьдесят немцев». И тогда старая женщина, вся седенькая, морщинистая, подошла к снайперу и с необычайной лаской сказала: «Спасибо!..».

Нелегко человеку почувствовать, что такое воздух: для этого нужно очутиться в глубокой шахте, пережить удушье. Русский народ не знал прежде национального гнета: никто никогда не унижал русского за то, что он — русский. Гитлеровцы издеваются над русскими обычаями, над русской стариной, над русской речью. И мы чувствуем, как подымается в нас национальное достоинство. Россия теперь узнала, что такое взыскательный, всепоглощающий патриотизм. Гитлер разбудил страшную для него силу: гнев России.

Жизнь до войны была трудной и легкой. Трудной потому, что приходилось преодолевать косность и техническую отсталость дореволюционной России. Легкой потому, что все дороги были открыты перед юношей. Подростки спрашивали себя: чем я стану? Летчиком? Инженером? Писателем? Молодое поколение было баловнями родины. Юноши шли по дороге жизни, как по шоссе. Прошел год. И вот наши дети стали суро-

вчмя солдатами, они идут с бутылками на танки и таранят вражеские самолеты.

Год тому назад, накануне войны, Красная Армия была частью государства. Рядом с ней были заводы, вырабатывавшие нежные ткани, школы, где учились философы и садоводы, мирные луга и мудрые академики. Теперь вся Россия — это Красная Армия. Недавно теперь мы называем Сталина полководцем. Наш народ в походе. Солдатский хлеб — наш хлеб, солдатская радость — наша радость.

Год тому назад немцы считали, через несколько дней они будут в Москве. Удар был сильным. Сурово прозвучал в раннее июльское утро голос Сталина: он предостерегал наш народ от губельного благодушия. Немцы быстро продвигались к Москве. В газетах наших друзей замелькали черные предсказания. Были и среди нас дрогнувшие духом. Но Сталин не дрогнул. Не дрогнул и народ. Красная Армия устояла. Седьмого ноября Гитлер хотел принимать парад в Москве на Красной площади. Гитлер принимал парад немецких мертвецов на всех полях, от Вислы до Оки, от Немана до Волги. А на Красной площади защитники Москвы салютовали Сталину и нашему знамени.

Мы многое потеряли за этот год: мир, уют, города, близких. Мы многое за этот год обрели: ясность взгляда, плодотворную ненависть, огонь патриотизма, завершенность, зрелость каждого человека. Год тому назад мы были мирным народом. На нас напали профессио-

нальные захватчики, люди, рожденные и воспитанные для механических убийств, страна, где танки паслись, как в других странах паслись овцы, где женщины рожали не детей, но танкистов. И год тому назад мы пережили страшные недели: враг мчался вперед. Немцы могут вспомнить июнь 1941 года, как свое последнее счастье. Оно не повторится.

Один немецкий офицер, сидя в Гжатске, записал: «Когда мне говорят, что между нами и Москвой меньше двухсот километров, мне хочется ответить: между нами и Москвой память о зиме».

Между ними и победой этот год: непроходимая пропасть. Они могут вспомнить июнь 1941 года, как первую смертельную рану. Они тогда бодро неслись вперед, подгоняемые голодом и честолюбием. Они не знали, что несутся навстречу смерти. Они начали. Кончим мы.

Прошел год. Гитлер думал уничтожить Красную Армию, чтобы потом обрушиться на Англию. Мы выстояли. Мы дали возможность англичанам создать сильную армию. Мы дали возможность Америке мобилизовать свою промышленность, построить транспорты, перекинуть в Европу американские войска. Мы были одни весь этот год. Немецкие самолеты, бомбившие Лондон, частью валяются на русских полях, частью — на нашем фронте. Многие немецкие дивизии, грозившие Англии, стали рощами деревянных крестов, другие стоят от Мурманска до Севастополя. Немецкие пло-

ы из Ламанша перекочевали на берега Азовского и Черного морей. Мы не только помяли восточный фронт Германии, мы оголили ее будущий западный фронт.

Среди густой травы, в селах, в городских садах мы видим красные звезды священных могил: здесь погребены герои. В годовщину войны мы думаем о погибших: они с нами. Они продолжают жить и сражаться в каждой роте, в каждом полку. Погибшие в дни отступления вместе с живыми брали Елец, Ростов, Калугу, Можайск. Живы их подвиги, живы их имена, и, придя в дом, где жил убитый в бою товарищ, боец скажет жене: «Родная, он с нами». Он покажет на сердце: «Вот здесь». Павшие на поле брани—в сердце России. Мы их потеряли: велика наша скорбь. И мы их нашли, мы открыли величье их духа: мы знали их веселыми или грустными, бодрыми или усталыми, мы узнали их бессмертными.

Победа не падает с неба, победу надо достать из самых глубин земли, из самых глубин сердца. Когда Гитлер кричал о молниеносной войне, мы говорили о долгом и суровом испытании.

Наши испытания не кончены. Нелегко откажутся немцы от своей преступной мечты быть «герренсфольк» — «народом господ». Мы не закрываем глаз, мы знаем, что тернист путь к победе. Но мы знаем также, что это — наш путь.

Россия в гимнастерке, обветренная и обстрелянная,— это все та же бессмертная Россия, Россия Пушкина

и Россия Менина, и это новая Россия — она заглянула в глаза победе. Год тому назад мы слышали слова «победа будет за нами». Тогда победа была далекой: страницей истории, прозрением будущего. Теперь мы знаем победу: у нее защитные петлицы, она пахнет пылью, порохом, помятой травой. Мы подружались с ней как с родной. Она не где-то вдали, она рядом — в твоём блиндаже, в твоём окопе, у твоей батареи, и мы теперь говорим: победа с нами.

22 июня 1942 г.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Немец Рихард Громмель, в прошлом студент, потом ефрейтор германской армии, в майский день, когда кругом цвели курослепы и пели жаворонки, записал в своем дневнике: «Вокруг нас весна, торжество жизни, а мы чувствуем себя мертвыми. Дело не только в опасности, мы свыклись с мыслью, что каждый из нас может ежечасно умереть, дело в другом — никто из нас не знает, зачем эта смерть? Мы еще говорим о Германии, о фюрере, о воинской чести, но для нас это — слова, и мы знаем, что наша смерть бессмысленна и неотвратима. Мы умираем от какой-то эпидемии, которую зовут «войной». Когда я был в школе, нам много говорили о войне, и война тогда казалась мне веселой игрой с хлопушками и с орденами, а на самом деле — вонь и смерть, вот и все! Мне противно теперь думать о Гильде. Может быть она сошлась с другим, может быть просто спокойно сидит у окна и шьет. Я даже не завидую ее спокойствию, для меня она чужая, не жена, а феномен, живучее насекомое. Я скажу больше — Германия для меня теперь не существует, да и для моих товарищей. я в этом убежден. Во-первых,

убежать туда нельзя, во-вторых, убежать вообще нельзя — нельзя уйти от себя, а мы уже не люди, но оружие, как в газетах пишут, «материальная часть». Вонь и смерть, несмотря на цветение и прочие весенние штучки! Баб кругом нет, угнали или разбежались. А водки тоже нет. Только рыжая гнусная физиономия Гайнца. Боже, как я ненавижу товарищей!..»

Рихард Громмель образно выразил тот процесс гниения, который начался в душе немецкого солдата. Война — тяжелое испытание, война проверяет огнем душу народа и душу каждого человека. Под военной выправкой у немцев оказалась гнилая душонок. Они сизмальства готовились к войне, как к грандиозному параду, и война потрясла их своей ненарядностью, своей жестокой простотой. Они много и часто говорили о смерти, казалось, они с ней сроднились, но они были подготовлены к убийству, а не к самопожертвованию. Они десять лет слышали простуженный лай своего фюрера, в котором были и лесть и науськивание: «Вы—раса избранных. Вы—народ господ. Мир принадлежит только вам». Слушать это им было приятно. Приятно было каждому из них, как представителю «избранной расы», пить шампанское в парижском шантане. Но настали тяжелые дни. «Народ господ», попав в Россию, встретил неожиданное для него сопротивление. Здесь-то гитлеровские питомцы усомнились: «За что мы умираем?» Слова оказались легковесными, как картонные гниды атлет-шулера.

Война предстала пред ними, как бессмысленная судьба, как эпидемия тифа или испанки. Безлюбые люди, они озлобились на своих близких, на жен, на товарищей, на родину. Здесь — начало расплаты, здесь — первое появление исторической справедливости. Люди, заставившие плакать миллионы жен — полек, француженок, чешек, русских, — теперь называют своих собственных жен «насекомыми». Люди, во имя вздорного племенного отбора истреблявшие философов, поэтов, тружеников других наций, признаются в том, что они ненавидят своих товарищей. Люди, уничтожившие пол-Европы с единой целью создать сверхвеликую Германию, теперь ворчат, что для них не существует и Германия. Так мстит за себя попранное человеческое начало.

Солдаты смерти умирают не только от пуль или снарядов, они умирают от внутренней пустоты, от лжи своих начальников, от злобы, жадной и всепоглощающей. Они откармливали эту злобу, как гадюку, рассчитывая, что змея ужалит других, но вот гадюка обвила тело самой Германии и жалит ее сердце...

Война никогда не казалась нам праздником, ее буффония не обрамляла наши детские сны. Мы знали другие походы: юноши, как на штурм, шли в тайгу, они не разрушали города, они строили, они осаждали науку, стремясь овладеть тайной слова, числа, формулы, они завоевывали Арктику и прорывались в стратосферу. Оглядываясь назад в прошлое, мы сперва увидели Пушкина и Толстого. Потом мы поняли, что Суворов

и Кутузов позволили Пушкину стать Пушкиным. Мы гордились не силой, но правдой, и, думая о жизни других государств, мы говорили себе: может быть, нам трудно, но мы хотим жить справедливо. И вот враг напал на нас. В ответ мы не начали бряцать оружием. Прошлым летом суровым было лицо России, освещенное отсветами пожаров, сжаты были ее уста, и в напряженной, глубоко человеческой тишине шли среди золотых нив эшелоны на запад.

Есть в войне все, как и в жизни человека: и веселье, и тоска, и горечь потери, и радость победы. Никто не скажет: «Война — это низкое дело» или «Война — это высокое дело» — война войне рознь. Зачем пришел немец Рихард Громмель в Смоленщину? Он сам этого не знает. Ему сказали, что Германии нужно «жизненное пространство». Это было для него и для его со товарищей абстракцией. Они заменяли «жизненное пространство» поживой, «трофеями», насильно захваченными женщинами, попойками среди могил.

Против Рихарда Громмеля пошел Иван Шелопутов, двадцатитрехлетний разведчик. Он родом из Орла. Его город немцы разорили, как разоряет кукушка чужое гнездо. Там осталась его мать, Пелагея Васильевна, с больной дочерью. Пелагея Васильевна была верующей, ходила в церковь, а ее дочь, комсомолка, читала, как священное писание, роман Островского и говорила: «Вот так нужно жить...» Иван только теперь понял, как он любит своих. Он думал не раз:

«Что стало с сестренкой? Оля мечтала быть героиней, не пошла на войну, потому что, бедняжка, хромая, а с немцами она жить не сможет, убьют ее, повесят»... Ивану было жаль свою мать: немцы обидят старуху. Он не думал о своей жизни. Я знаю, что он работал на заводе, на фрезерном станке, увлекался математикой—поздно ночью сидел над тетрадкой. Наверно, была у него и большая мечта, и любимая девушка. Немцы разворотили его жизнь. Он убил Рихарда Громмеля и принес в штаб замаранную кровью записную книжку. Он не спрашивал и не спросит, зачем он на войне. Он хочет спасти своих, хочет отстоять жизнь—свою и своего народа. Он воюет, как он дышит, потому что человек должен дышать.

Все знают тишину перед боем, сосредоточенность, молчаливость за час до атаки. Жизнь каждого—это большой дом, необозримый надел. Часто в такую минуту, перед опасностью, видишь, как много ты в жизни еще не сделал, как много проглядел, сколько прекрасного не заметил в своем большом доме, в необозримом наделе. Эти мысли не принижают бойца, они его укрепляют. Война расширила и углубила наш мир. Все, что мы смутно чувствовали, стало ясным, четко обрисованным, начертанным в самом сердце.

На войне каждый боец еще острее почувствовал свою любовь к близким, к семье. Он вспомнил рассказы отца про «германа», про гражданскую войну, и отец ему стал ближе. Он понял печаль матери, вышедшей его в

трудные годы. Когда он уезжал на войну, мать не выдержала — расплакалась. За эти слезы сын должен отплатить врагу: почему не дали старой женщине мирно прожить старость?

Боец идет по селу — это где-то под Вязьмой. Белобрысая девчонка смущенно улыбается. И боец вспоминает свою дочку. Он сам из Сибири, там деревни другие и деревья там другие, но его девочка так же сконфуженно прыснет в ручку, если чужой ее спросит: «Как тебя звать?» В Сибири спокойно, а здесь побывали немцы. Как еще уцелели эти люди? Вот ту избу сожгли... И боец чувствует, что на нем судьба его детей. Еще недавно он был беспечным, знал — сам проживу и детей накормлю. А теперь от его отваги зависит жизнь близких.

Патриотизм начинается с самого простого: с дерева возле дома, с переулочка, сбегającego вниз к речке, с запаха антоновских яблок или степной полыни. Война помогла каждому советскому человеку понять красоту его родных мест. Северянин вспоминает леса вокруг Двины или Сухони, стволы, уплывающие вниз по течению, розовые ночи июня и смешное слово «дроля», которым он звал любимую. Украинец видит задумчивые тополя вдоль дороги, золотое молчание летнего полдня, когда жизнь кажется такой богатой, такой полной, что останавливается время, и только благодушное ворчание шмеля вмешивается в торжественную тишину. Грузин благословляет воздух гор, раскаленный камень и

нечаянную радость серебряного ручья, вкус ледяной воды, терпкое вино, булькающее в бурдюке, простые слова дружбы и эхо, повторившее его последние слова: «До свиданья...» Ленинградец бредит туманами родного города, широтой Невы, державной, как Россия, вздыбленными конями из бронзы и яркой зеленью Летнего сада, городом, где что ни дом — то страница истории. Москвич видит кривые переулочки, замысловатые, как воспоминания, а потом он выходит на широкие улицы новой Москвы. А там дальше Кремль, древние башни, слава Руси и красные звезды будущего.

Ручей впадает в речку, река впадает в Волгу, Волга знает путь к морю. Любовь к дому, к селу, к краю становится любовью к родине. Разве можно понять силу любви, не проверив ее на страшном огне? Поняли теперь люди, как они любят своих близких, поняли, как любят родину, Россию, Советский Союз. Поняли это до конца, когда враг занес на родину свою низкую руку. Прошлой осенью кто не почувствовал самого простого: «Без России мне не жить?»

Мы знаем, что правда с нами, но теперь мы радуемся и силе, потому что, как Кутузов помог Пушкину стать великим поэтом, сила Красной Армии поможет нашей родине жить не силой, но правдой. Мы теперь твердо знаем нашу силу. Она перед нами на каждой географической карте: четыре буквы, и первое С — на хребте Карпат, а Р — у Тихого океана. Это не область, не страна, это доподлинный мир, и украинец из Буко-

вины может, придя во Владивосток, сказать «это — мое», а березы Карелии встретят девушку из Приморского края, как свою сестру. Если сын батрака из Сибири стал академиком, если о горняке Стаханове пишут труды в Америке, если украинская колхозница управляет областью, это потому, что наши прадеды и деды трудом, потом, кровью, тихими трудами и ратными подвигами, победными войнами и тремя революциями создали великую державу. Мы знаем, что случилось с Польшей, с Югославией, с Чехословакией. Мы знаем, какая судьба ожидала бы отдельную Белоруссию, Украинну, Урал или Сибирь. Наша сила спасла нашу правду, как наша правда дала нам силу.

В огне испытаний мы еще раз почувствовали силу нашей правды. Мы жили не в уютном, прибранном доме, мы жили на стройке, но эта стройка прекрасней и благородней всех дворцов. Мы не кичливы, мы знаем, как много в нас было косного, чиновничьего, бестолкового. На войне за один год мы многому научились. Когда мы вернемся к станкам, к тракторам, к книгам, мы будем другими, лучшими, умнее мы будем работать, честнее жить. Но мы на войне увидели, что в основе нашей жизни лежит глубокая правда. Нам не только отвратительны, нам смешны отчеты о барышах какого-нибудь Геринга, для которого война, увечья, смерть — это миллионные доходы. Какой советский человек согласился бы жить в обществе, где снаряд — это смерть для одного и богатство для другого? Нам кажутся ди-

кими рассуждения гитлеровцев о том, что немец «выше по крови» итальянца, а итальянец «выше» славянина. Человека, который стал бы у нас измерять величие народа длиной черепа или особенностями скелета, посадили бы в сумасшедший дом. Фашизм донесся до нас, как чумной воздух: мы услышали миазмы гнетения, мы увидели, что такое вопиющая несправедливость Германии, ее национальная нетерпимость, суеверия, казни, пытки, и мы вдвойне горды нашим обществом. Если теперь профессора Оксфорда, ученые Америки, писатели Франции с восхищением смотрят на Красную Армию, как на единственную силу, способную уничтожить фашизм, то это не только потому, что в Советском Союзе сто девяносто миллионов, это и потому, что сто девяносто миллионов — граждане Советского Союза.

Почему заживо сгнил Рихард Громмель еще до того, как его застрелил советский боец? Потому, что в войне, затеянной Гитлером, нет души. Существуют «полицейские романы». Есть на свете любители такой литературы. Схема полицейского романа несложна: преступник совершает диковинные преступления, полицейский преследует преступника. Оба стреляют, убивают, рискуют своей жизнью, но читатель чувствует, что для них смерть — элемент профессии и только. И преступник и сыщик способны на смелые поступки, но никто не назовет их героями. Они могут отдаваться своему делу с душой, но в их деле нет души. История быстро забывает имена талантливых преступников и блиста-

тельных авантюристов, она сохраняет другие имена: людей, погибших за великую идею, за свой народ и за человечество, за новое, лучшее общество. Вооружение Красной Армии может напоминать вооружение германской армии. Стратегия двух сторон может обнаруживать точки соприкосновения. Но нет ничего общего между красноармейцем и солдатом гитлеровской армии: герой и преступник, мужественный человек, отстаивающий родину, и профессионал-убийца. Два несовместимых мира.

Мы знаем, с какими мыслями умер немец Рихард Громмель. Этому мы можем противопоставить замечательный рассказ о героической смерти пяти моряков, защитников Севастополя, которые, обнявшись и сказав друг другу последнее «прости», повязались гранатами и собой преградили путь вражеским танкам. Теперь, услышав о преодолении смерти, я подумаю не о высокой работе ученых, которые заняты продлением человеческой жизни, но о пяти веселых, горячо любивших жизнь краснофлотцах. Это ли не преодоление смерти? Это ли не бессмертие? Подвиг пятерых не только остановил одну из атак противника, он внес новую жизнь в сердца миллионов, он расширил, укрепил душу России, он останется и в дни жестоких боев этого года, он останется и после победы — в более пышном цветении наших полей, в более чистом звучании девического хора. Так умирают люди. Так побеждает бессмертный народ.

НА РУБЕЖЕ

Боец, помни, кто перед тобой.

Перед тобой злые люди, чужие люди, немцы. Они пришли, чтобы ограбить твой дом, чтобы обидеть твою мать, чтобы обесчестить твою жену, чтобы убить твоих детей. Они пришли, чтобы надругаться над твоим языком, над твоими думами, над твоей любовью.

Боец, помни, кто позади тебя.

Позади тебя беззащитные дети, старики, женщины. Они думают о тебе с великой надеждой—на тебя они уповают. Если ты не выстоишь, если ты дрогнешь, если ты уйдешь с поста,—ты откроешь путь немцу к русским городам, к русским селам, к русским девушкам, к русским детям. За минуту твоего малодушья ответят тысячи русских людей. Ты побежишь назад, чтобы спасти свою жизнь, но от тебя отшатнутся живые. Тебя проклянут матери. Они закроют глаза своим детям и скажут: «Это русский, который выдал немцу Россию».

Армия—живая стена. В стене важен каждый кирпич. Немец ищет в стене брешь. Немец убегает с

героев. Немец останавливается перед стойкими. Немец лезет вперед, когда видит малодушных. Великая ответственность лежит на твоих плечах. Если ты дрогнешь, ты погубишь своих товарищей. Если ты дрогнешь, ты выдашь немцам русское село.

Каждый теперь отвечает за судьбу родины. Боец, если ты выступишь в эти суровые дни немецкого наступления, ты спасешь Россию. Если ты дрогнешь, не будет ни России, ни твоих близких, ни тебя—немцы все возьмут, всех убьют, тогда наша Россия станет чужой немецкой страной.

Боец, ты получил от деда и отца великую страну. Что ты оставишь своему сыну—Россию или стойло в немецком хлеву? Наполеон был умнее Гитлера, Наполеон был сильнее Гитлера. Русские отбили Наполеона. Четверть века тому назад на Россию шли немцы. Тогда у русских не было снарядов, тогда у русских не было патронов. Но русские тогда выстояли. Теперь у тебя хоршее оружие. Теперь у тебя самолеты и танки. Теперь у тебя такая артиллерия, что немцы, услышав ее, теряют голову, теперь ты можешь разбить немцев. Если ты теперь не выступишь, вина на тебе. Тогда значит не жить русскому народу.

Если ты отступишь на шаг, враг пройдет вперед версту. Если ты отойдешь на версту, враг шагнет вперед на целую милю. Враг зашел далеко. Боец, подумай о карте нашей страны. За твоей спиной хлебородный край. За твоей спиной кровь войны—нефть. Если ты дрог-

вешь, ты отнимешь хлеб у женщин. Ты отнимешь горькое у танкистов и летчиков. Ты отнимешь оружие у твоих товарищей. Ты выдашь страну немцу.

Стойкость — вот противотанковый ров. Стойкость — вот живой дот. Стойкость решает все. Если немец идет вперед, значит ты его пропустил. Осенью бойцы разбили немцев у Ростова. Зимой бойцы разбили немцев под Москвой. Тогда им было труднее: у них было меньше танков, меньше минометов, меньше автоматов. Немец тогда был сильнее. Но бойцы тогда выстояли. Неужели напрасно погибли двадцать восемь героев? Неужели напрасно умирали русские люди у Калининна, у Ельца, у Тихвина? Боец, ты не осрамишь своего знамени. Боец, ты не предашь родины. Ты выстоишь.

Позади тебя живая Россия. Зреют колосья нашего урожая. Дышат трубы наших заводов. Но теперь важен каждый час. Но теперь важен каждый шаг. Можно спасти родину — здесь на этом рубеже. Выполняй приказ. Это приказ твоего командира. Это приказ твоей родины.

На войне, как в жизни, бывает решительный час. Этот час называют двенадцатым.

Боец, помни — бьет двенадцатый час!

1 августа 1942 г.

ВРЕМЯ

Военные неудачи не должны скрыть от наших глаз величия нашего сопротивления. С шестидесятих годов прошлого столетия сначала Пруссия, потом объединенная Германия работали над созданием мощной военной машины. Немцы легко выиграли войну в 1870 году. Во время первой мировой войны против Германии сражались Россия, Великобритания, Франция, Соединенные Штаты, Япония, Италия. Германия в течение четырех лет одерживала военные победы, потом не выдержала и рухнула. Тотчас после капитуляции немцы начали готовиться к новой войне. Двадцать лет в кузницах Рура они ковали оружие для нападения. Началась вторая мировая война. Германия быстро уничтожила Польшу, завладела Скандинавией, ворвалась в Бельгию и в Голландию, поработила Францию — страну с боевыми традициями. Англия ушла на остров. Немцы двинулись на Балканы. Их не остановили ни горы Греции, ни море — они взяли Крит. Год тому назад они

считались непобедимыми. Когда они напали на нас, английские и американские обозреватели спрашивали: «Сколько недель продержится Россия?»

Мы продержались тринадцать месяцев. Одни. И мы продержимся до нашей победы. Мы перебили цвет германской армии. Мы пережили много тяжелого, но мы нанесли врагу серьезные ранения. Против нас Гитлер двинул всех своих вассалов. Финны превратились в призраки: вся молодежь страны погибла. Опустела Румыния. Теперь Гитлер приволок из Венгрии десятки бригад, он вывез из Италии свежее пушечное мясо. Как рабы в древнем Риме, злосчастные солдаты десяти европейских государств идут под огонь в угоду Гитлеру. Заводы Германии, Бельгии, Голландии, Чехословакии изготавливают оружие и боеприпасы для гитлеровской армии. Мы невольно вспоминаем слова русского поэта: «Такого ополченья мир не видал с первоначальных дней». А мы попрежнему сражаемся одни. И мы держимся.

Весь мир говорит о стойкости и силе Красной Армии. Не только друзья — враги вынуждены признать, что красноармейцы сражаются с редкостным мужеством. Я не стану напоминать о наших зимних победах. Я только укажу, что беспримерная оборона Севастополя показала миру сущность нашего сопротивления. Сейчас наши части ведут исключительно тяжелые бои с врагом, который рвется к Сталинграду. Мы потеряли много дорогой нам земли, много городов и сел. Но наши бой-

ды, отходя, наносят тяжкие раны противнику, и настает день, когда немцы, потеряв в наступательных боях десятки дивизий, дрогнут под нашим ответным ударом.

Передо мной письмо, его нашли несколько дней тому назад в районе Воронежа на убитом немецком солдате Дитере Фибиге. Он писал: «Мы ужасно страдаем от сорокаградусной жары. Как ты можешь себе легко представить, не все наши выдерживают, но мы надеемся, что война здесь скоро кончится»... Дитер Фибиг не дописал письма: под Воронежем кончилась не война, но его жизнь. Не от солнца стало жарко немецким солдатам — от контратак Красной Армии.

В Баренцовом море наши лодки нападают на корабли противника. Наши летчики совершают налеты на далекий Кенигсберг. На всем фронте, от Воронежа до Мурманска, наши части в повседневных кропотливых боях точат армию неприятеля. Сильные вправе вслух говорить о своих недочетах. Война каленым железом выжигает из сердца народа слабость. Война — школа сильных. Страна дала Красной Армии прекрасное оружие. Страна дала Красной Армии миллионы отважных сыновей. Нужно выжечь из наших сердец все ненужное, все, что мешает победе, и прежде всего беззаботность.

В мирное время беззаботность — свойство характера. На войне беззаботность — преступление. Когда-то говорили: «Гром не грянет, мужик не перекрестится». Давно

нет у нас мужиков, а наши колхозники изучают биологию или химию. Но пословица еще жива. Об урожае нужно думать до сева, о боях нужно думать в дни затишья. Плохая дорога в тылу — это плохая дорога к победе. Наступая, нужно думать об обороне, отходя, нужно думать о предстоящем наступлении. На войне тысячи случайностей, и поэтому на войне нужно все предвидеть. Война не только бой, война это огромное хозяйство. Война требует от каждого настороженности, суровости, подобранности. Тишина на фронте чревата грядами схватками. Не верь тишине! Если ты думаешь, что враг никогда не прорвется к этому поселку, сделай все, чтобы встретить врага перед поселком, в поселке и позади поселка. Если ты думаешь, что враг обязательно двинется дальше, сделай все, чтобы он не двинулся: на войне нет невозможного, на войне все решают находчивость и отвага.

Немцы живут по часовой стрелке. У них в мирное время дачный поезд отходил по расписанию в 18 часов 28 минут 30 секунд. Это противно, но это так. Когда мы победим, мы не станем ездить на дачу по секундам. Но теперь дело идет не об отдыхе — о войне. Каждый немец — машина, и, чтобы его разбить, нужна абсолютная точность. Минута в минуту! Если замешкается одна рота, она может погубить все, сорвать атаку, пропустить вперед врага. Будем воевать по минутной стрелке! Пустим на машину машину! Народ наш знает, что значит — опоздать: «Пошла по маслу, а в печи

погасло». Час промедления бывает смертельным для воинской части. Потерять час это иногда потерять бой. Что необходимо для победы? Одни скажут — материальные ресурсы, другие — живая сила, третьи — хорошее вооружение. Для победы необходимо все. Но всего важнее для победы время: не пропустить часа. По минутной стрелке должны жить артиллеристы. Сердце самолета это не только мотор, это и часовой механизм. Каждый командир должен чувствовать время, как будто перед ним огромный циферблат. В этом — чудо координации, в этом и залог победы.

Беспорядок — это все равно что вражеский десант в тылу. Маленький беспорядок стоит большой жизни человека.

Связисты — регулировщики победы — от их точности зависит исход сражения. Связисту поручены нервы боя.

Командир должен знать свою часть, как свою семью. Командир должен знать свой участок, как садовник свой сад — каждое дерево, каждую ямочку. От того, во-время ли будут доставлены боеприпасы, зависит судьба подразделения. Война это огромная машина. Один винтик, выпав, может остановить ход машины. Нужно все осмотреть, все проверить. Для командира нет мелочей: на войне мелочи решают все.

Боец должен во-время выполнить приказ, командир должен во-время приказ отдать. Никто не вправе свалить с себя ответственность, сослаться на другого. Страшно, когда один думает, что за него решат другой:

погтерянный день это — брешь в обороне, и в брешь ворвется враг. Кто создает жизнь? Тот, кто дерзает. Дерзая, люди создали науку, цивилизацию, общество. На войне особенно важно уметь дерзать. Инициатива каждого — вот фундамент победы. Воюют не только автоматами или минометами, воюют головой. Наш народ — талантливый народ. О русской смекалке, находчивости, уме говорят все народы мира. Вспомним старые и все же живые слова: «Каждый солдат носит в своей сумке маршальский жезл». Молодой лейтенант, читая о Суворове, должен помнить: он может стать новым Суворовым. Не кинувшись в холодную воду, нельзя переплыть реку. Не рискуя, нельзя победить. Когда наши разведчики приводят «языка», они берут смекалкой. Командир, продумывая план атаки, должен быть смелым, как орел, и хитрым, как змея.

Командир должен помнить, что он — душа своей части. Мы читаем в газете: «Бойцы подразделения старшего лейтенанта Клешнина ворвались в село и очистили его от немцев». Это — эпизод огромной битвы, это — деталь исторического полотна. Имя старшего лейтенанта Клешнина вошло в историю. Это имя передают по проводам все телеграфистки нашей страны. Это имя записывают стенографистки Англии и его набирают наборщики Америки. Каждый командир должен понять всю свою ответственность, все величие своего поста. Нет у нестойкой части хорошего командира, нет у хорошего командира нестойкой части. Командир отве-

чает за каждого бойца: ему много дано, с него и много взыщется. Что такое рота? Это небольшое подразделение и это целая армия. Рота может вырасти, как гора, между врагом и русским городом. Рота может стать непроходимой преградой, широчайшей рекой — в степи, там, где нет никаких преград. Рота может стать и воротами для врага: пожар начинается с искры. Успехи и неудачи зависят от каждого бойца, а у командира ключ к сердцу солдата. Большое дело — танки, большое дело — бронебойные ружья, большое дело — во время и правильно вырытые противотанковые рвы. Но стойкая часть — это и танк, и противотанковое ружье, и глубочайший ров. Великая ответственность лежит на каждом командире: не только перед начальником — перед всем народом.

В мирное время каждый человек может быть средним человеком. На войне каждый человек должен быть большим человеком. На войне люди растут с каждым днем. Красная Армия возмужала, выросла. Она должна вырвать из своей среды все недостатки, все недочеты. Красная Армия — это подвижник нашего времени, который вышел в бой, чтобы освободить миллионы беззащитных. Подвижник должен быть чистым, смелым и мудрым. От него зависит жить или не жить России.

29 июля 1942 г.

ТРИ ГОДА

Три года тому назад в Берлине царила радостная суматоха: Гитлер объявил немцам, что долгожданная война началась. Когда-то говорили ребенку: «Не плачь — до свадьбы заживет». Гитлеровские няюшки много лет подряд твердили подраставшим немцам: «Не плачь — до войны заживет». Немецкие олухи радовались: «Наконец-то война, настоящая, большая война!» Немки шептали мужьям: «Не забудь про французские духи... В Польше хорошая колбаса... В Англии закажи костюм...». Серо-зеленые шляпки казались праздничным маскарадом. В книжных магазинах брали нарасхват географические карты. Звонили колокола. Били барабаны. Громкоговорители разносили по всем Свинемюнде и Швейнфюртам простуженный лай Гитлера. Одну немку посадили в тюрьму за пессимизм: она сказала, что война не кончится до рождества. Немцы были уверены, что война кончится через три месяца.

Прошло три года. Немецкие олухи увидели, что ждать мира труднее, чем ждать войны. Никто не скажет ка-

лекам, которые стучат деревяшками по тротуарам Германии: «Не плачь — до мира заживет». Перед магазинами очереди: не за географическими картами — за восточной маргарина. На карты никто не смотрит. Немки говорят: «Что мне Египет? У меня отняли жизнь». Германия поредела, как лес осенью. Старики и чужеземные рабы. Немки живут с румынами или с итальянцами, и гретхен руками объясняется с эрзац-мужем.

Где только нет немецких могил? Солдаты Гитлера гниют и в песках Африки, и в мерзлых болотах Лапландии. Молчат барабанщики. Колокола давно перелиты в пушки. По ночам плачут сирены и грохочут фугаски. А днем раздается лай Гитлера: волк боится тишины. Не французскими духами пахнут немецкие города — карболкой. Колбаса съедена. Все съедено: и хлеб, и слава, и надежды.

Три года немцы разрушали Европу. Они разрушали ее тщательно, методично — по-немецки. Один турецкий журналист, побывавший недавно в Германии, говорит, что путь от Адрианополя до Берлина — путь по пустыне. А путь от Берлина до Бретани, от Берлина до Ростова? Три года тому назад, глядя на цветущую Европу, на ее заводы и сады, немцы роняли слюну. Они хотели получить земной рай. Они получили пустыню.

Недавно немецкий бургомистр в припадке оптимизма заявил, что Роттердам можно восстановить — для этого потребуется всего-навсего пятнадцать лет. Чтобы

уничтожить Роттердам, немцам потребовался всего-навсего один день. Три года немцы уничтожают Европу. Ее не восстановить и в пятнадцать лет. Еще пахнут гарью развалины Варшавы, Белграда, Руана, Амьена, Минска, Смоленска, Новгорода. Норвежские рыбаки больше не ловят трески. Вытоптаны виноградники Франции. Каждый день на улицах Афин подбирают трупы греков, умерших с голоду. Варшава стала арестантскими ротами и тифозным госпиталем. Сербские города ушли в горы. Стоят заводы Лилля и Днепропетровска. Европа молчит, как развороченные пустые соты. Немцы истребили поэтов и ученых, инженеров и врачей, сталеваров и виноделов.

Накануне войны в Париже власти запретили ночью пользоваться автомобильными гудками: священен сон человека. Вот уж три года, как Европа не спит. Ее ночи заполнены воем сирен. До войны газеты прославляли авиацию: врач, вылетев на крохотный остров или в оазис, помог роженице родить. Вот уж три года, как «Юнкерсы» и «Мессершмитты» истребляют детей. Европа стала дикой, черной, голодной пустыней.

«Света!», — воскликнул, умирая, Гете. Ночи требует современная Германия, свет ей кажется невыносимым. Немцы казнят французских ученых и чешских писателей. В селе Крутеце Ленинградской области немцы повесили старого крестьянина, огласив приговор «За участие в Московской сельскохозяйственной выставке». Эти полуночные птицы, если бы могли, заклевали бы зарю.

Все знают, что немцы — хорошие организаторы. Почему же они не могут организовать захваченные страны? Им некогда. Чтобы завоевать Францию, они должны были вытоптать Норвегию и Данию. Чтобы захватить Балканы, они должны были опустошить Францию. Колонист, посадив гевею, ждет семь лет драгоценного сока. Немцы не могут ждать. Они пишут в сводках: «Мы преследуем врага». Но они спешат, потому что их преследует расплата. Они пришли в Нормандию, в край масла и сыра. Они не могли ждать: солдатня хотела есть, и немцы уничтожили молочных коров. В Европе стали редкостью яйца — немцы съели всех кур. Нет обуви, нет сукна, нет бумаги — немцам нужны снаряды, бомбы, мины. Чем больше они воюют, тем больше им нужно вооружения. Это — заколдованный круг.

Немцы окружены врагами. Их ненавидят народы всех захваченных стран. Слово «немец» стало бранным на сорока языках. Немцы много говорили об окружении, как об излюбленном стратегическом приеме, но в окружении — Германия: она сжата кольцом ненависти. В горах Югославии, в степях Украины, в долинах Франции — повсюду немцы, щерясь, смотрят — не покажется ли враг? Они ввезли в Германию миллионы рабов, в эти рабы — тоже враги — солдаты, в чреве троянского коня.

«Глядите — Германия стала великой», говорят немецкие газеты своим читателям. Но немцы не радуются

Они даже не смотрят на карты, вывешенные в пустых витринах магазинов. Они только испуганно озираются: до чего опустели немецкие города! «Отто убит, Карл убит, Курт убит», уныло бормочет маленькая женщина «велвкой» Германки. И, как эхо, отвечают дома, улицы, кварталы: «Убит... Убит... Убит...»

Гитлер долго твердил немцам: «Вы—народ без пространства». Он сулил солдатам некое пространство, чужие земли, чужое счастье. Но партизанами заполнилось «пространство» Югославии. На «пространстве» Дона и Кубани взошел непрошенный урожай—немецкие кресты. А Германия опустела. Пространство без народа—скажем мы.

Никакие победные сводки не скроют от немцев суровой правды: судьба, которую они готовили для других народов, становится судьбой Германии. Развалины Кельна, Любека, Ростока, Нюрнберга, Кенигсберга мало чем отличаются от развалин Белграда, Роттердама, Минска. Немецкие солдаты, уже выдавшие скалы Норвегии и вершины Эпира, увидели теперь Кавказ. Но солдаты не радуются: они понимают, что им не увидеть больше Баварских Альп и Гарца. Они прошли тысячи километров, но они не приблизились ни на шаг к победе. Впереди зима. Четвертая зима войны, вторая зима в России. После трех месяцев войны Гитлер говорил: «Этот год будет годом окончательной победы». После трех лет войны он обещает немцам только рукавицы и наушники.

Бесцелен бег Германии за победой: она бежит за

своей тенью. А солнце клонится, и все длиннее тень и свою тень не догнать.

Вот она, Германия — ни кровинки в лице, а руки в крови: в чужой крови. Она идет с топором — это палач Европы. Когда-то она ковала железо, печатала книги, сажала картошку. Теперь она рубит головы и мылит веревку виселицы. Три года Германия воюет за право уничтожать и разорять. Стоит немецкому солдату ступить сапогом на плодоносную землю, как эта земля становится бесплодной. Стоит немецкому солдату войти в жилой дом, и дом становится кладбищем. Позади — могилы и ненависть миллионов. Что впереди? Смерть.

Германия прошла от Нарвика до Пятигорска, от Роттердама до Эль-Аламейна. Назад она не пройдет: путь назад заминирован мстью народов. «Еще несколько шагов, еще несколько миль», подбодряет немцев Гитлер, «еще несколько лет»... Но что впереди? Красное море? Памир? Золото Индии? Скипетр мира в руке юродивого тирольца? Нет, впереди одно: могила Германии, пустота, пространство без народа, великое возмездие.

1 сентября 1942 г.

ДЕЛО НАШИХ РУК

Между двумя боями при тусклом свете коптилки лейтенант изучает чертежи, сопровождающие статью «Уроки боя». Конечно, легче учиться в академии. Но выбора нет: мы должны менять части машины на ходу, учиться в блиндажах, перестроить многое в нашем сознании под сопровождение музыки боя или среди ожесточенной работы тыла.

Помню, несколько лет тому назад зашел я в одно учреждение и ушибся о стол. Секретарь меня успокоил: «Об этот стол все расшибаются». Я спросил: «Почему не переставите?» Он ответил: «Заведующий не распорядился. Переставлю — вдруг с меня спросят: «Почему это ты придумал, что это означает?» Стоит и стоит — так спокойней...» У нас у всех синяки от этого символического стола, от косности, перестраховки, равнодушия.

Человек, который, пожимая плечами, говорит: «Это меня не касается», — слепец. Все теперь касается всех. Человеческие возможности безграничны. Можно пролежать жизнь на печи, и можно в один месяц перевер-

вуть мир. Под Сталинградом тридцать три бойца остановили семьдесят танков. А ведь бывало, что триста тридцать бойцов убегали от семи танков. Все зависит от человека, от его мужества, от его находчивости и напряжения.

Каждый гражданин должен понять всю меру своей ответственности. Он не ребенок, который вправе сослаться на опекунов, он — творец своего будущего. В театре одни играют, другие смотрят, аплодируют или свистят. Театр военных действий — нечто иное: здесь нет зрителей. Если немцы на Кавказе — это неудача всего народа. Нужно еще ожесточенней воевать и еще ожесточенней работать.

Война пробудила в каждом из нас еще больший вкус к жизни. Законное чувство: мы до самой глубины поняли, что именно мы защищаем. Но во имя жизни мы должны теперь забыть все, кроме одной страсти, — отстоять родину.

Мне пишет старший лейтенант И.: «Моя жена нервничает, она теряет надежду, она меня спрашивает: «Когда конец?» Она хочет оправдать это любовью ко мне. Я женился незадолго до войны. Дочь родилась 26 июня прошлого года, а за два дня до этого я ушел на фронт и дочь не видал. Жена мне часто пишет: «Не видел даже дочери...» Но это не оправдание. Сейчас нужна не только такая любовь, сейчас нужно любить шире. Если бы она видела то, что видели мы в деревнях, освобожденных от немцев!..»

Легко понять грусть, тоску молодой жены, которая ждет вести от мужа. Но ее дочь жива потому, что старший лейтенант И. и его боевые друзья думают сейчас не о своей судьбе, а о судьбе родины. Их любовь воистину широка: все в ней — и привязанность к родимому дому, и чувство истории.

Пусть горе женщины обратится на врага. «Когда конец?» — спрашивает она. Это зависит не только от лейтенанта, это зависит и от его жены. Мирной жизни больше нет. Миллионы эвакуированных живут на бивуаке. Затемнены города глубокого тыла. Лишения узнали все. Враг в доме. Где же здесь сетовать? Здесь надо бить врага. Слишком дорого стоит каждый час промедления. Врагу помогает не только ваша беспечность, но и наша грусть. Пусть грусть станет снапами, патронами, торфом. Пусть каждый боец знает, что в тылу день и ночь трудятся десять человек: подают ему хлеб, одежду, вооружение, боеприпасы.

Нужно торопиться, нужно понять, что такое на войне время. Немцы живут по минутной стрелке. У одного немецкого ефрейтора в записной книжке я нашел такую запись: «Десять часов на работу, восемь на сон, час сорок минут на пропитание, час тридцать минут на передвижение и, следовательно, на серьезные мысли, сорок минут на чтение, двадцать минут на ребусы и кроссворды, четверть часа на гимнастику, три четверти часа на сношения с Гертрудой, пятьдесят минут на разные хозяйственные и непредвиденные дела. Это — сред-

ние данише, не считая воскресных дней за месяцы январь—март 1939». Мерзкая статистика! Машина, которая прикидывается человеком! Никогда мы не станем так жить, и Гертруд на пятьдесят минут у нас нет. Но воевать мы должны по минутной стрелке, иначе мы не побьем немцев. Потерянные десять минут в ходе боя могут решить все. Каждый гражданин тыла, который теряет десять минут, помогает врагу. Мы должны опережать врага и опережать события, атакуя, предвидеть контратаку врага, думать летом о зиме и осенью о весне, укреплять далекий тыл, превратить в топливо каждую минуту, согреть нашим рвением города, накормить нашим потом моторы. Время не за нас и не за немцев. Время служит тому, кто понял, что такое время.

Мы должны подчинить все военной дисциплине. Немцы — автоматы. Когда они пришли в Париж, исчезли все автомобили, но немцы сразу ввели бессмысленно сложные правила перехода улиц. Они должны организовывать, даже когда им нечего организовывать. Их пародия на порядок: вывезти все автомобили и поставить десять тысяч новых светофоров. Но, чтобы побить немцев, мы должны принять железный порядок. Когда пешеход у нас переходит улицу, кажется, что это—самоубийца, который кидается под машину, на самом деле он даже не торопится, он гуляет. Это маленький пример, но над ним стоит задуматься. Я хочу быть свободным в мыслях, в чувствах, в творческой ра-

боте. Для этого я теперь откажусь от всего, стану солдатом в строю, винтом в машине.

Гражданка О. Хитрова пишет мне из Саратова: «Иногда слышишь, что теперь война, может быть, скоро всем конец, а поэтому не стоит ничего делать хорошо. Разве это правильно? По-моему, наоборот. Раз война, надо делать все еще лучше. Если уж раньше смерти умрешь, то и до победы не доживешь... Я вот домашняя хозяйка. Сейчас четыре часа в день работаю на дорожных работах. Работаем мы мало — никто нас не торопит, никто не объясняет задания. Спрашиваем прораба, а он отвечает: «Торопиться нечего...» Я в начале войны тоже было поддавалась такому настроению. Услышу утром плохую сводку, и весь день ничего не делаю, говорю: «Все из рук валится». А теперь я душой окрепла. Услышу сводку и говорю себе: а я назло им буду работать вдвое, и шить буду, и штаны красноармейские постираю, да и поштопаю. Не хочу умирать раньше смерти. Если у нас немецкий шпион где-нибудь рядом, пусть видит, что мы, несмотря ни на что, крепки духом и выстоим». Замечательные слова! В них вся душа, вся крепость России. Пусть они исправят и прораба, и тех, которые еще думают победить спустя рукава, и малодушных, готовых умереть до смерти.

Есть в русском сердце залежи великих чувств, о которых многие и не подозревают. Все в роте знали, что Василий Никулин — хороший парень. Не удивились, уз-

вав, что Никулин перебил много немцев. Но кто мог предвидеть последние минуты этого скромного человека? Он крикнул товарищам: «Уходите, я их буду на себя отвлекать». Раненый, он продолжал строчить из автомата. Кончились диски. Немцы навалились на Никулина. У него нашлась еще «лимонка» — ручная граната. Тогда Никулин крикнул другу: «Уходи, я буду взрываться», и дернул за кольцо.

Рядом с героикой боя могут показаться бледными дела тыла. Но и в них — тоже биение большого сердца. Из Алма-Ата пишут о скромной работе женщин на станциях Турксиба. Через Луговую проезжали бойцы — с фронта на фронт, легко раненые, из госпиталей. Женщины железнодорожников, работницы, домашние хозяйки решили помочь бойцам. На этой узловой станции подолгу ждут поезда. Женщины кормят бойцов, дают им постели в домах, подшивают воротнички, берут грязные платки, дают чистые, делают множество того, что может сделать только заботливая женщина. Они вырывают время у сна. Отдают свои овощи, молоко, из своих простынь делают платочки. Они отдают не лишнее, но свое последнее, и вот это доходит до самого сердца бойца. Один сержант, проехавший Луговую, пишет из-под Ржева: «Милые сестренки! Спасибо за ласку. Мы бьем немцев, и я думаю и за вас, сестренки, буду бить проклятых. Согрели вы меня своим приветом...» Фронту пужно все: и патроны, и табак, и простая человеческая ласка.

В одной старой книге я прочитал, что Тулу звали «стальной душой». Тула оправдала это прозвище. Когда враг подошел вплотную к городу, старухи и девчонки рыли рвы. Заводы эвакуировали, но осталась кучка старых рабочих. Осталось немного сырья и много упорства. Тула не сидит сложа руки. Туляки смеются над немецкими бомбами. Рабочий полк давно стал частью Красной Армии, но почетное имя за ним сохранилось: «Тульский». Недавно один боец Тульского полка сделал на своей тульской винтовке сотый надрез: в честь сотни убитых врагов. Винтовке этой 43 года, но бьет она без отказа. Дед воевал с этой винтовкой в русско-японскую войну. Винтовку он оставил сыну: пригодилась, когда пришлось бить германцев. Теперь винтовка вспомнила прошлое: внук пошел добровольцем в Тульский рабочий полк. Он уже сделал семь свежих насечек. Мать его говорит: «Тульское ружье далеко шагает».

Эти насечки — исповедь русского сердца. Огромная историческая ответственность понятна тульским рабочим. Будем биться, как тридцать три героя под Сталинградом. Будем работать, как Тула. Мы не умрем до смерти, мы увидим победу.

11 сентября 1942 г.

РУССКИЙ АНТЕЙ

Немцы озадачены мужеством защитников Сталинграда. Они философствуют: «Почему русские не капитулируют?» Газета «Берлинер берзенцейтунг» («Биржевая берлинская газета») пишет 6-го сентября: «Поведение противника в бою не определяется никакими правилами. Советская система, создавшая стахановца, теперь создает красноармейца, который ожесточенно дерется даже в безвыходном положении. На том же иступлении построена советская военная промышленность, беспрестанно выпускающая невероятное количество вооружения. Русские почему-то сопротивляются, когда сопротивляться нет смысла. Они производят впечатление лунатиков, для которых война протекает не на реальной земле, а в мире воображаемых понятий».

Берлинские биржевики перемудрили. Каждый красноармеец знает, что война идет на земле, а не на бумаге. Война идет на нашей, на русской земле. Для немцев степь это—поле сражения и только. Мы знаем, что эта степь пахнет полынью, для нас эта степь—родная. Для

немцев Сталинград — крупный населенный пункт, стратегически важный центр. А в Сталинграде живут наши родные, наши друзья. Мы гордились его домами, школами, заводами. Мы его строили в радости и в муке, как мать рождает дитя. Для немцев Волга — водный рубеж. Нужно ли говорить о том, что для нас Волга? Немцы увидели ее и равнодушно сказали: «Ага, большая река». А русские пять веков звали Волгу «матушкой».

Для немцев наши поля «пространство». Для нас они — родина. Для немцев наши богатства — трофеи. Для нас они — наш пот, наша кровь, наша история. Для немцев русские женщины — рабыни. Для нас они — наши жены, наша любовь, наша жизнь.

Немцы из «Биржевой газеты» удивляются: почему русские сражаются «в безвыходном положении»? Для русского нет безвыходного положения. Можно сказать, что полк больше батальона, а батальон больше роты. Можно взвесить различные снаряды. Можно проверить толщину различной брони. Но нельзя сравнивать человеческое сердце с танком, человеческий мозг с минометом, человеческое мужество с бомбой.

Сержант Иван Бобрик пробрался в подбитый немецкий танк, расположенный вблизи немецкого переднего края. Он просидел там с телефонным аппаратом тринадцать суток. Он направлял наш огонь. В танке сержант нашел пулеметное гнездо. Пулемета не было.

Ночью Иван Бобрик вылез из машины: он решил найти немецкий пулемет. Он его нашел, прочистил, смазал, набрал патронов. На четырнадцатый день немцы догадались, где засел русский наблюдатель. Они двинулись на танк. Сержант их встретил хорошим пулеметным огнем. Немцы начали обстреливать танк из орудий. Иван Бобрик выбрался из машины и дошел до наших. Ночью он сказал: «Пулемета жалко», пополз к танку и принес немецкий пулемет с патронами. Слов нет, Иван Бобрик четырнадцать дней был в «безвыходном положении», но у него было мужество, и он нашел выход.

Радист Рувим Спринцон и три его товарища пять дней без отдыха, без сна, без еды, окруженные врагами, направляли огонь нашей артиллерии. Когда немцы подошли вплотную к развалинам, где находилась рация, Рувим Спринцон спокойно передал: «Огонь на нас». Казалось, выхода нет. Но немцы дрогнули под артиллерийским огнем. Рувим Спринцон и три его товарища выбежали с автоматами, начали уничтожать немцев.

Самолет Бориса Голубева был сбит. Раненый летчик оказался в тылу противника. Четверо суток он брел к нашим. Он дошел. Его перевязали, он попросил бумагу и написал дрожащей рукой: «Здравствуй, товарищ Со рокин. Пишет тот, кого вы потеряли 9-го числа. Задача выполнена. Машина сгорела. У меня перебита правая рука. обожжено лицо». Напускная храбрость де-

кламирует. Но что возвышенной этих скромных слов «задание выполнено»?

Наши наступали, но огонь противника был настолько яростным, что пехота залегла. Тогда артиллерист старшина Толстопятков крикнул своим друзьям: «А ну-ка!..» Их было двенадцать. Они прошли к проволоке, пробили проход, прорвались в расположение немцев. Старший сержант Решетов ворвался в дзот и повернул пулемет против немцев. Так двенадцать смельчаков разгромили штаб батальона. За ними пошла пехота.

Несколько наших разведчиков отправились за «языком». Заместитель политрука Куникбаев увидел трех немцев. Он посмотрел, кто из них командир. Двух солдат Куникбаев застрелил, а немца с петличками вытащил из дзота. Прибежали другие немцы. Куникбаев дрался ногами — руки у него были заняты. Он приволок немца, и немец, очухавшись, вытащил папиросы: «Битте, битте... пожалуйста»... Куникбаев папирос не взял, но только ответил: «То-то, знаем сами, что биты, и еще не так биты вас будем»..

Это — будни боя, это то, о чем не пишут в сводках, это повседневное мужество наших бойцов. Могут ли понять берлинские биржевики, что такое русское сердце? Они в недоумении смотрят на дымящиеся развалины домов. Почему к этим развалинам не подходят бравые фрицы? Почему не развевается паучий флаг над

Сталинградом? Но там — не только камни, там—люди. И люди сражаются: это — русские люди. Любовь к родине разлилась, как река в половодье, затопила все. Уже нет отдельной судьбы человека. Есть только судьба родины. Жизнь бойца неразрывно связана с сотнями дружеских жизней, и все они — это жизнь России. Припадая к земле, русский Антей находит новые силы, и он встает, он идет на врага, Антея не сразить. Немцы дошли до Волги. Немцы хотят нас схватить за горло. Но для нас нет «безвыходного положения». У нас есть выход, один, но верный выход: перебить немцев. И мы их перебьем.

Немцы еще наступают. Пора остановить врага! Позади великая река Волга. Позади нефть Грозного. Позади сады Черноморского побережья. Немцев нельзя пропустить дальше.

Боец, с тобой идет в бой не только твой рота. С тобой идут вся армия, весь народ. С тобой идут погибшие герои, солдаты, преграждавшие путь врагу прошлым летом и гнавшие врага прошлой зимой. С тобой идут в бой двадцать восемь гвардейцев. С тобой идет хрупкая девушка Таня и суровые моряки Севастополя. С тобой идут великие мертвецы. Ты их не осрамишь. С тобой идут твои прадеды, сколотившие Россию, витязи Игоря, дружина Димитрия. С тобой идут солдаты двенадцатого года, прогнавшие непобедимого Наполеона. С тобой идут буденновцы и чапаевцы, голодные, босые

и победившие наперекор всему. С тобой идут твои дети, твоя мать, твоя жена. Они тебя благословляют. Ты отвоюешь матери тихую старость, жене радость встречи, детям счастье. Боец, с тобой идет Россия. Она идет рядом. Прислушайся к ее крылатым шагам. Она тебя приободрит задушевным словом в минуту боя. Она поддержит тебя, если ты дрогнешь. Она обнимет тебя, если ты победишь.

20 сентября 1942 г.

ТВОЕ ГНЕЗДО

Газета «Кракауер цейтунг» пишет: «Германия еще не возобновила колонизации Африки, но она ведет работу в занятых ею областях Восточной Европы. Эта работа аналогична с колонизацией, и она ответственней, нежели колонизация Африки. Русское и украинское население не привыкло мыслить самостоятельно, поэтому немцам приходится приказывать даже в мелочах. Боязливым людям на Востоке нет места. В этой отсталой стране всегда будет трудно жить. Фюрер прав, считая, что фронтовики лучше всего приспособлены для колонизации бывшей России. Наши солдаты приобрели душевные свойства, необходимые для постоянной жизни на Востоке. Немцы хотят, чтобы их дети пустили корни на почве, орошенной немецкой кровью. Сейчас немцы воюют, но после войны многие тысячи немцев смогут на Востоке осуществить свои мечты. В бывшей России у немцев права, о которых они никогда не смели мечтать. На немцах лежит ответственность за поведение гуземцев, которые не всегда относятся к немцам дру-

желюбно. Каждый немец внезапно стал колонизатором, начальником и господином».

Группенфюрер Гассе сообщает в газете «Гамбургер фремденблат», что колонизировать «бывшую Россию» будут штурмовики и дети штурмовиков. По словам Гассе, «штурмовиков теперь воспитывают в духе оседлости». Другая газета «Данцигер форпост» пишет: «Каждого немецкого колониста будут обслуживать восемь-десять семейств. Помимо немецких крестьян, нам понадобятся немецкие врачи, инженеры, агрономы, учителя, ветеринары, ремесленники, коммерсанты с широким кругозором, администраторы. Принимая во внимание моральную отсталость не только русских, но и украинцев, мы должны считаться с тем, что нам придется держать в Остланде крупные полицейские силы. Наиболее разумным явилось бы создание дворов с крестьянами, проделавшими войну, вооруженными и способными держать в повиновении не только те семьи, которые будут их обслуживать, но и людей, предназначенных для помощи ремесленникам, для различных рабочих, не зависящих от городской администрации. Немцы, которые поселятся в городах, будут опираться на гарнизоны и на полицейские центры, что позволит им спокойно заниматься ремеслами и торговлей».

Газета «Локаль анцейгер» пишет: «Говоря о колонизации Востока, мы не забываем об интересах союзных народов. Если в Одессе румыны предоставили большие возможности для деятельности германских торговых

фирм, то мы, в свою очередь, готовы распределить часть богатых земель Кавказа между народами, специально приспособленными для жизни на юге, как-то румынами, венграми, итальянцами». Газета «Кракауер цейтунг» говорит, что «Завоеванная Россия станет плавильной печью новой Европы» — здесь, по замыслу немцев, «будут расселены разные народы вплоть до голландцев и датчан».

Они все обдумали до мелочей. Народ Пушкина, народ Ленина они объявили «туземными племенами». Наглых и кровожадных штурмовиков они хотят сделать помещиками. Ведь у фронтовиков теперь «душевные свойства», приобретенные в походе: они блестяще научились грабить, пороть, вешать.

«Чей это дом?» — спросит корреспондент «Гамбургер фремденблат», показывая на усадьбу среди берез и цветников. Ему ответят: «Это поместье герра Швайнфюрера, ваше немецкое сиятельство. У герра Швайнфюрера сто га пахотной земли, триста голов крупного скота и двести русских». Корреспондент поедет в город. Там герр доктор Квачке нумерует русских рабов, выдает им бирки с печатью, герр доктор Киапп торжественно открывает публичный дом для старательных колонистов, а герр комерцрат Карл фон Дрек развешивает в бывшем музее Толстого изображения арийских производителей. Вот что им снится, вот за что они воюют.

Они хотят взять не город и не область. Они хотят

взять Россию, сделать из нее колонию. Они сами признаются: прежде им это и не снилось. Они обнаглели. Они вошли во вкус виселиц. Этим поганым пивоварам и колбасникам понравилось повелевать. Фриц желает, чтобы великий народ чесал ему пятки, чтобы Россия жила, как его, фрица, лезая нога хочет. Он швыряет русскую землю вшивым румынам. Он дает венграм Ялгу, Антонеску — Анапу. Он сулит итальяшкам Сочи. Он обещает финским лахтырям Ленинград. Он уже набирает «специалистов»: «Ты будешь проверять мускулы русских. Ты будешь пересылать кавказских девушек в Гамбург. Ты будешь оскоплять казаков. Ты будешь составлять отряды из украинцев для завоевания Бразилии. Ты будешь учить татар немецкому языку и немецкому кнуту».

Мы грамотные. Прочли. Поняли. Знаем. Доказывать немецкой свинье, что мы не Африка, что народ Пушкина и Толстого не стереть с земли, что дети Октябрьской революции не станут гнуть спину перед погаными пивоварами? Свинья не поймет. Говорят — не мечи перед свиной бисера. Мы мечем не бисер — гранаты. снаряды, бомбы. Не будет мерзкий Карлушка фон Дрек пить шнапс в Орле или в Новгороде. Мы его уьем. Мы уьем всех немцев. Жизни своей не пожалеем, а уьем. Они пишут, что хотят «пустить корни» на нашей земле. Глупые немецкие мечты! Их закопают. Из них вырастет лопух, крапива, чертополох. Они заявляют, что наша страна станет «плавильной печью».

Она станет для немцев крематорием. В каждом из нас такая ненависть, что кажется с ней не проживешь и дня. Она внутри — как огонь. Она не дает дышать. Она не дает уснуть. Она заряжает винтовки, кидает гранаты, она ведет нас в атаку. Разве мы знали, что можно кого-нибудь так ненавидеть?

Милое, любимое гнездо, родина, моя деревня, мой дом, белая хата или изба с резьбой или сакля в ауле, вишенье или пламя рябины, или дом в городе — вот то окошко, что светилось медовым светом, за которым ждала дорогая девушка, сады, парки, дворцы, заводы, смуглое золото древней церквушки, и баян, и бархат театра, милое, любимое гнездо, тебя хочет разорить немец. Злая кукушка хочет раскидать птенцов. Наше гнездо, наш дом, наших детей. Россия, на тебя замахнулся немец, на века истории, на древности Кремля, на книги, на знамена. Поганый Карлушка посягнул на тебя, — фриц-колонизатор, немец-вешатель. Они пришли. Надругались. Они распинают Россию и гогочут. Нет, не стерпит этого сердце!

За наше гнездо!

18 сентября 1942 г.

ОЖЕСТОЧЕНИЕ

Когда-то мы думали об осени, как о времени мудрости и покоя. Мы увидели другую осень, все в ней—тревога. Беспокойной кажется яркая листва, золото и кровь лесов. Томит холодное блистательное солнце, а по ночам даже ракеты неспособны скрыть мотовства рассыпанных звезд. Раззор в природе, тоска, ожесточение.

Разорена страна, едешь, и вместо сел надписи на карте, не разобрать, где стояли избы. Издали Торжок или Старша похожи на город, но города нет, вместо домов обгоревшие фасады. В редких деревнях, где уцелели дома, пусто и неуютно.

В одной деревне, освобожденной от немцев, остались памятники загадочной для нас цивилизации. Вокруг избы, где жили офицеры, посажены березки, а среди деревьев игрушечная виселица: на ней фрицы, забавляясь, вешали кошек—людей не было, людей немцы угнали.

Судя по карте, здесь была деревня. Трудно в это поверить. Немецкие блиндажи. Воронки. Свист снарядов.

Резкий ветер кружится на месте. Бойцы курят и однозвучно говорят: «Перелет... недолет...» У них красные глаза—сколько ночей длится эта битва? Когда на минуту воцаряется тишина, всем не по себе.

Как загадочны среди этого пейзажа колхозница, девочка с жидкой косицей и белая собачонка! Ищут в земле—мешок картошки и самовар. Женщина сгибается от свиста, собачка распласталаеь на земле, а девочка спокойно рассказывает: «Здесь колодец был. Главный немец приказал из колодца блиндаж сделать, пугливый гад; когда наши подошли, он выскочил и на велосипед, как был, в трусах, но его стукнули, а велосипед воп там—попорченный...» Ей жаль велосипеда. Я спрашиваю: «Ты откуда?» Она коротко отвечает: «Тася. Пионерка».

С бугра виден военный городок. Два больших корпуса. Немецкие бомбардировщики пикируют на западе. Дым. Артиллерийская гроза растет. Перед Ржевом—маленький лесок. Немцы сегодня атакуют: танки, пехота.

В блиндаже связист, пыгаясь покрыть грохот, упрямо повторяет: «Долина... Долина... Я — Дунай...». Потом к телефону подходит полковник и кричит: «Положение восстановлено».

Немцы пытались отрезать наши части, занимающие окраины города. Они бросили в бой две новые дивизии—110-ю пехотную и 5-ю танковую. Вот пленные, они пробыли на этом фронте всего несколько часов. На опушке рощи трупы немцев и двадцать один подбитый танк. Это счет за второе октября. Генерал-полковник Модель

хотел, видимо, отпраздновать годовщину похода на Москву. Фейерверк влетел немцам в копейку.

Огромное зарево: горит Ржев, вернее то, что осталось от Ржева. Кварталы—условные понятия. Там, где были дома,—блиндажи, окопы. Я спросил пленного фельдфебеля: «Почему вы так держитесь за развалины небольшого города?» Он ответил: «Господи, бог ты мой, это только называется Ржев, а на самом деле это—ворота. Так дело может пойти и до Берлина...»

Ворота могут распахнуться и на восток и на запад. Немцы держатся за Ржев, как за предместное укрепление. Они еще не отказались от планов наступления—на потерянный Зубцов. Для немцев Ржев связан с прошлогодней мечтой о Москве. Ржев для них также барьер—позади Вязьма, Смоленск, Белоруссия. Не смолкает суровая музыка боя. Групп немца. Неотправленное письмо обер-ефрейтора Роберта Клопфа своему брату: «Это нужно пережить самому, чтобы понять, что такое настоящая война. Здесь идет жесточайшая битва. Вопрос стоит — быть или не быть...» Для ефрейтора вопрос решен: он лежит под кровавым огрызком ущербной луны. Будет решен вопрос и для проклятой Германии.

Легко раненые не хотят уходить с поля боя. У них невидящие глаза, как будто их разбудили среди ночи и не дали очнуться. Они еще дышат грозным воздухом битвы. Один показывает на зарево и говорит: «Пойду туда...»

Гвардии генерал-майор Чанчибадзе, горячий и неистовый, как лето Грузии, отдает приказ: «Мертвых похоронить. Раненых отправить в тыл. Остальные вперед». В темном блиндаже раздают ордена гвардейцам. У всех изможденные, но твердые, как бы из камня высеченные лица. Что сделали немцы с нашим народом? Были благодушные мечтатели, парни, делившиеся с пленными последней щепоткой махорки, были любители баяна и гуманисты, на всех языках Союза твердившие о братстве, был народ ржи и васильков, теплого дерева и ласки. Другой теперь народ. Закаменели лица, блестят при свете копилки сухие глаза. Не прикрепив орденов к груди, гвардейцы спешат на юг: Ленин и звезда у них в сердце.

А рядом под минами женщины копают картошку. Они тоже устали, замучились, но они упрямо повторяют: «Бить гада!.. Нужно будет, и мы пойдем...»

Недалеко от Ржева я зашел ночью в избу, чтобы отогреться. Со мной в машине ехал американский журналист. Старая колхозница, услышав чужую речь, всполошилась: «Батюшки, уж не хриц ли?» (она говорила «хриц» вместо «фриц»). Я объяснил, что это американец. Она рассказала тогда о своей судьбе: «Сына убили возле Воронежа. А дочку немцы загубили. Вот внучек остался из Ржева...» На койке спал мальчик, тревожно спал, что-то приговаривая во сне. Колхозница обратилась к американцу: «Не погляжу, что старая, сама пойду на хрица. Боязно мне, а пойду. Вас-то мы заждались...»

Журналист, выдавший виды, побывавший на фронтах Испании и Китая, Норвегии и Греции, отвернулся: он не выдержал взгляда русской женщины.

Донбасс, Дон, Кубань—каленным железом прижигал враг наше сердце. Может быть, немцы ждали стога, жалоб? Бойцы молчат. Они устали, намучались, многое претерпели, но враг не дождался вздоха. Родилось ожесточение, такое ожесточение, что на сухих губах трещины, что руки жадно сжимают оружие, что каждая граната, каждая пуля говорят за всех: «Убей! Убей! Убей!»

Связист Кузнецов, рабочий из Уфы, устанавливал связь через Волгу: «Течение быстрое, я камень взял, чтобы не отнесло, а на воде пузыри — фрицы строчат... Вышел,—холодно, а во мне все горит. Вдруг фриц «хальт»—с автоматом. Я его стукнул...» У колхозника Петра Колесникова в Горьковском крае жена, две дочки; он коротко говорит: «Провод клал. Фриц, другой. К чорту, кувырнулись». Башкир Галиахпатов учился на агронома. Он только что прикончил четырех немцев. Он говорит об этом — вот-вот... Он хотел* возделывать родимую землю, он научился ее защищать. Когда на узбека Казбекова бросились немцы, он одного задушил. Боец Ештанов убил четырех фрицев, трех оружием, четвертого ударом головы. Минометчик, парень из Новосибирска, говорит: «Мы его так тряхнем, что он свою фрау забудет». А другие молчат. Чем сильнее ненависть, тем меньше у нее слов. Любовь тоже может

дойти до немоты. Давно, среди голых Кастьяльских гор, я писал:

Нет у верности другого языка,
Кроме острого граненого штыка.

Я думаю об этом, глядя на иступленное бледное лицо чкаловского сталевара Даниила Алексеевича Прыткова. Я просидел с ним вечер в блиндаже. Я мало узнал об его прошлом, но в моих ушах звучит непонятная на первый взгляд фраза: «Я заколол офицера отечественным штыком».

Прытков ненавидит немцев, и он их презирует, у него к ним гадливость. Он контужен, плохо слышит, чересчур тихо он говорит подполковнику Самосенко: «Товарищ начальник, дайте мне отечественный автомат. У меня немецких шестнадцать штук было — роздал. Противно мне из них стрелять». Он не хочет пить воду из немецкой фляги: «Потерплю. Противно...» Он говорит: «Вижу тринадцать фрицев звездочки считают. Сядят в яме и курят. Я их из отечественного автомата... Один здоровый на меня прыгнул, я его отечественным прикладом...» Слово «отечественный» для него имеет особый смысл, он говорит не по словарю, по сердцу, и в его словах слышится большая отечественная ненависть.

Рассказ Прыткова кажется фантастичным: полтора дня он ходил по ржевскому лесу и убивал немцев. Он снимал планшеты, кресты, брал оружие и шел дальше. Ему говорили: «Хватит. Иди назад». Он отвечал: «А на-

ступать кто будет?». В нем острое нетерпение — нетерпение России. Контуженный, он подносит часы к уху, качает головой: «Не слышу», потом добавляет: «Ничего, там услышу...».

Что сделал Даниил Прытков? Можно разбить его эпопею на ряд изумительных эпизодов. Можно рассказать, как на Прыткова кинулись четыре немца. Он выхватил у немецкого офицера кинжал и прикончил его: «Этого не отечественным, немецким оружием». Он полз с гранатами и подавил четыре вражеских пулемета. Он пошел вперед и вышиб немцев из крайнего дома военного городка. Он сделал это по своей инициативе: в трехстах шагах от Прыткова был немецкий склад боеприпасов, его защищали автоматчики. Прытков не мог ждать («А наступать кто будет») и он овладел складом.

У Прыткова на Урале старая мать Евдокия Даниловна. Он говорит: «Трудно ей...». Ненависть не падает с неба, ненависть нужно выстрадать. Был у Прыткова друг, любимый человек, политрук Ведерников. «Убили гады моего комиссара», срывается голос, рука тянется к автомату.

Он пришел из леса — «держите», и лег спать, измученный, а старшина записывал: 5 железных крестов, 1 медаль, 4 снайперских значка, 4 парабеллума, 1 автомат и 2 снайперских винтовки...

Этот сын уральского казака, наверно, был когда-то обыкновенным мальчиком, учил таблицу умножения, иг-

рал в городки, вырос, научился мастерству, нравился девушкам, ходил в кино, жил, как миллионы юношей. Теперь его лицо стало вдохновенным, строгое и отрешенное. Он оглох от контузии, но он все время как будто прислушивается к музыке боя. Он торопится, говорит подполковнику Самосенко: «Пойду туда» и показывает на Ржев. Напрасно добрый подполковник журит его: «Отдохни еще денек». Прытков не хочет: «А наступать кто будет?..»

Прыткову кажется, что некому наступать. Но вот наши бойцы перешли в контратаку. Еще один квартал очищен от немцев. Не остановят бойцов ни мины, ни пули. Есть кому наступать — наступает Россия, и угрюмо смотрят бойцы на Волгу — они помнят про Сталинград.

А Ржев все еще горит. Зарево пожара в утреннем свете кажется свечой, которую забыли погасить.

Мы тебя благословляем, великое ожесточение второго года!

8 октября 1942 г.
